

Перевод
УДК 316.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-44-59>

Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком¹. Часть 1

Маркус Бьёик¹, Оле Нимоем²

¹Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс, США

²Независимый журналист, Йена, Германия

¹marcus.boeick@rub.de

²oleundwolfgang@gmail.com

Вниманию читателей представляется первая часть перевода интервью, которое было взято в октябре 2020 г. у немецкого историка доктора Маркуса Бьёика. Интервью посвящено истории организации Тройханданштальт (Treuhandanstalt), через которую осуществлялась приватизация восточногерманских предприятий после ликвидации ГДР как государственной структуры. В первой части интервью идет речь о том, для чего изначально задумывался Тройханданштальт, во что он превратился впоследствии, а также том, с какими проблемами столкнулись восточные немцы в новой объединенной Германии.

Ключевые слова: приватизация, Восточная Германия, ГДР, объединение Германии, Тройханд, Тройханданштальт, плановая экономика, рыночная экономика

Для цитирования: Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком. Часть 1 / пер. с нем. и коммент. В. А. Миронова // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 44–59. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-44-59.

Translation

The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick. Part 1

Markus Böick¹, Ole Nymoen²

¹Harvard University, Cambridge, MA, USA

²Freelance Journalist, Jena, Germany

¹marcus.boeick@rub.de

²oleundwolfgang@gmail.com

The readers are presented with the first part of the translation of an interview that was taken in October 2020 from the German historian Dr. Markus Böick. The interview is devoted to the history of such an organization as Treuhandanstalt, through which the privatization of

© Ole Nymoen, Markus Böick, 2023

© Миронов В. А., пер. с нем., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

¹<https://www.youtube.com/watch?v=JuK5OOXEhns>

East German enterprises was carried out after the liquidation of the GDR as a state structure. The first part of the interview talks about what Treuhandanstalt was originally created for, what it later turned into, as well as what problems East Germans faced in the new united Germany.

Keywords: privatization, East Germany, GDR, German unification, Treuhand, Treuhandanstalt, planned economy, market economy

For citation: "The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick. Part 1", Transl. by Mironov, V.A. (2023), *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 44–59. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-44-59 (Russia).

Оле Нимоен (О. Н.): Здравствуйте, уважаемые слушатели. Здравствуйте, доктор Маркус Бьёик.

Маркус Бьёик (М. Б.): Да, здравствуйте, добрый день.

О. Н.: Маркус Бьёик – историк. Область его научных интересов – организация Тройханданштальт, о которой наши молодые слушатели в большинстве своем имеют довольно смутное представление, тогда как представители старшего поколения довольно легко смогут вкратце объяснить, что Тройханданштальт был учреждением, которое отвечало за интеграцию восточногерманских предприятий в рыночную экономику ФРГ прежде всего через их приватизацию, т. е. через поиск частных инвесторов для распродажи этих предприятий. Также стоит отметить, что работа данной организации была буквально вся опутана разного рода скандалами. Господин Бьёик, как бы вы могли охарактеризовать работу данной организации?

М. Б.: Это была особенная организация, которая занимает особое место в немецкой, европейской и, возможно, даже мировой истории. Подобного рода организаций было не так уж и много, по крайней мере, в XIX и XX вв., а именно таких краткосрочных, с таким большим количеством импровизации, таких хаотичных организаций, которые бы распоряжались таким чрезвычайно большим промышленным сектором. В сферу ответственности данной организации входило около 8 тыс. предприятий и 4 млн рабочих и служащих. Все это необходимо было в очень короткие сроки перевести с плановых на рыночные рельсы, т. е. в очень короткие сроки создать капитализм из социализма, и все это нужно было сделать очень-очень быстро, без какой бы то ни было подготовки, без продуманной стратегии, без готового рецепта, и такая задача была нестандартной. Современники и свидетели тех событий воспринимали эту задачу как уникальную. Таким же образом эту задачу воспринимали руководители и сотрудники Тройханданштальт. Как только начался процесс приватизации, сразу же стали возникать конфликты и столкновения между сторонниками и противниками этого процесса. Я бы сказал, что Тройханданштальт вплоть до настоящего времени, по крайней мере для восточных немцев среднего и старшего возраста, является главным объектом жарких политических и экономических дискуссий. После воссоединения Германии вся восточногерманская экономика оказалась под полным контролем Тройханда. Во власти этой организации оказались не только все производственные силы Восточной Германии, но и весь культурно-досуговый сектор, который был напрямую связан с каждым восточногерманским предприятием. Для многих восточных немцев Тройханд является символом того, что процессы объединения двух Германий после 1990 г. не оправдали их надежд и ожиданий.

Именно поэтому Тройханданштальт является самой громкой, спорной и неоднозначной организацией в новейшей истории Германии. Это делает Тройханд очень сложным, но в то же время очень увлекательным объектом изучения для историка. И даже не только с точки зрения истории, но также и...

О. Н.: Вы были ребенком, когда берлинская стена пала?

М. Б.: Да.

О. Н.: По какую сторону от стены вы выросли? В каком возрасте вы узнали или, может быть, столкнулись с работой Тройханданштальт? Ведь в вашей семье наверняка были те, кто пострадал от приватизации, или же вы выросли на Западе и поэтому для вас эта тема не имела кого-либо особого значения?

М. Б.: Да, надо сказать, я тогда, в 1990 г., еще ходил в детский сад, а уже в 90-х начал ходить в начальную школу. И, конечно, тогда тема Тройханда для меня была далеко не на первом месте. И я не проявлял активности в изучении этой темы. Все эти события я, конечно, воспринимал, но воспринимал весьма опосредованно. Ведь тогда, в силу моего возраста, меня интересовали совершенно иные вещи, и это понятно, однако, конечно, тогда чувствовалась неуверенность в завтрашнем дне у моих родителей, бабушек и дедушек, и у других взрослых... а самыми животрепещущими и актуальными темами моей юности были темы безработицы, будущих перспектив и эмиграции. Я вырос в восточном Гарце, нынешняя Саксония-Анхальт. Об этом мне стоит рассказать подробнее. В Восточной Германии я жил в регионе, на который огромное влияние оказали добыча полезных ископаемых и тяжелая промышленность, и именно здесь должны были произойти наиболее значительные структурные изменения и потрясения в экономике и социальной сфере. Поэтому приватизация повлияла на этот регион непосредственно и сразу.

Конечно, это коснулось и меня, я хоть и обрывисто, но все-таки помню, как люди агрессивно спорили и выходили на протесты по поводу закрытия большого завода в моем родном городе Хеттштедте. Конфронтация шла, как и полагается, еще и в средствах массовой информации. Например, в коммуне Бишоффероде летом 1993 г. был большой голод, вернее, голод был не столько большим, сколько громким из-за начавшейся там массовой голодной забастовки, прогремевшей тогда на весь мир. Забастовку организовали шахтеры предприятия по добыче калия. Тогда это было на слуху, и я это помню. Но, разумеется, будучи ребенком, школьником или же юным подростком, нельзя было полностью прочувствовать, осознать и пережить это все так же, как это переживали те взрослые люди, которые непосредственно пострадали от таких преобразований.

Поэтому могу сказать, что я имею свое личное представление о тех событиях, но я не был активным участником и не перенес каких-либо сильных эмоциональных потрясений в связи с теми событиями. Для меня все это прошло несколько иначе. После окончания школы я уехал из новых федеральных земель, чтобы поступить в университет на территории Западной Германии, т. е. в старых федеральных землях. Я остался и живу здесь уже очень давно, и конечно, мой взгляд о состоянии новых федеральных земель отличается от взгляда людей, не уезжавших оттуда. Но несмотря на это, я пытался сделать свою работу качественной и информативной, а насколько у меня это получилось, судить, конечно, уже не мне. Вердикт о качестве моей работы должны вынести другие люди. Но таковой была моя

попытка разобраться с исследуемым мной предметом не с точки зрения очевидца, а с точки зрения историка.

О. Н.: Каково было состояние экономики ГДР, о которой вы сейчас упомянули? Ведь народное плановое хозяйство ГДР должно было быть перенаправлено в русло капиталистической экономической системы. Каким было состояние экономики ГДР и, особенно, состояние промышленности в тот переломный период?

М. Б.: Этот вопрос до сих пор является причиной очень жарких споров. Ну, можно сказать, что на сегодняшний день написано много о том, представляли ли собой какую-либо ценность народные предприятия ГДР или нет. И этот спор под собой имеет не только материальную основу, но также и символическую, т. е. в таких спорах в первую очередь речь идет о том, что собой представляла ГДР и что именно восточные немцы имели на момент объединения: представляла ли из себя промышленность ГДР груды металлолома или же было в ней что-то стоящее. Сейчас если в процессе споров одной из сторон удастся доказать или показать, что в разрушенной приватизацией экономике ГДР было действительно что-то стоящее, то пострадавшим от приватизации этот факт причиняет еще большую боль. И это лишь малая часть из всего того, что относится к этой очень болезненно воспринимаемой теме.

Я думаю, что, оценивая те события с экономической и исторической точек зрения, необходимо выносить взвешенные суждения и отделять мух от котлет. Несомненно, в плановой экономике было много проблем, которые постоянно возникали в ее основных отраслях, а именно в металлургии, машиностроении, химической промышленности, горнодобывающей промышленности, текстильной промышленности, машиностроении, судостроении и т. д. А некоторые ошибки и сбои в этих сферах накапливались десятилетиями.

Национализация очень крупных предприятий проводилась в несколько этапов. В сороковых годах Советы провели национализацию, потом этот процесс продолжился в пятидесятых и еще раз в семидесятых годах. В 1970-х гг., во времена правления Эриха Хонеккера, процесс национализации закончился, после чего не осталось ни частной собственности, ни предпринимателей. В тот период за экономику ГДР отвечал сильный политик – Гюнтер Миттаг, который сделал еще большую ставку на крупные комбинаты. Миттаг выстроил огромный промышленный комплекс по всей территории ГДР, части которого были тесно переплетены друг с другом и были взаимозависимыми. Возникали так называемые полные производственные цепочки, объединенные в отдельные большие комбинаты. Позже руководитель Тройханда Детлев Роведдер стал называть эти комбинаты динозаврами плановой экономики.

И это действительно были экономические гиганты, но гигантами они были весьма условно, ведь они были несамостоятельными и управлялись из одного центра – Восточного Берлина. Экономика функционировала через планирование, планы... пятилетние планы, семилетние планы, в рамках которых предпринимались попытки рассчитать, сколько обуви и всего остального нужно произвести для собственной страны и для внешней торговли со странами Восточной Европы, т. е. со странами, входящими в Совет экономической взаимопомощи во главе с Советским Союзом. Именно в рамках СЭВ у ГДР были договоренности в сфере внешней торговли, в котором решили, что, например, автобусы будут производиться в Венгрии, а в ГДР будут производиться разного рода станки и машинное оборудование. Все это обменивалось на продукцию из других стран СЭВ. Такой была плановая экономика,

которая контролировалась сверху, и также сверху в ней все было распланировано на длительный срок. По крайней мере, так было на бумаге. На практике же все было намного сложнее, потому что предприятия не могли и не всегда хотели строго исполнять то, что было спущено сверху, и даже в некоторой степени пытались как-то обойти строгие предписания, чтобы хоть немного упростить свою работу.

Все предприятия стремились к большей самостоятельности и пытались сделать плановые разнарядки, насколько это возможно, более мягкими. Иначе говоря, чем меньше и проще плановое техзадание, тем проще было ему соответствовать, и для предприятий был смысл упрощать свою работу, чтобы выполнить план. Это, знаете, как в университете, когда студенты договариваются об условиях и сроках сдачи зачета или экзамена с преподавателем, вот примерно так и обстояло дело с предприятиями и плановыми разнарядками. Тогда у народных предприятий не было правильной рыночной конкуренции, не было возможности свободно устанавливать цены, не было никаких стимулов интенсивно внедрять инновации или повышать эффективность производственного процесса. Эти факты всем хорошо известны. То есть народные предприятия пребывали в совершенно иных условиях, отличных от условий, в которых функционировали западногерманские предприятия. И эта разница за несколько десятилетий стала весьма существенной. Гигантские предприятия, или, как их тогда называли, комбинаты, постоянно укрупнялись, привлекая все больше и больше рабочей силы, накапливая материалы, необходимые для производства, и, конечно же, при этом накапливались и проблемы. В первую очередь технологические проблемы, например, предприятия были в значительной степени отрезаны от западных технологий, и речь здесь идет не только об американских технологиях, но и о технологиях западноевропейских держав. Плюс к этому в 1970-х и 1980-х гг. все более ярко стали проявляться экологические проблемы. Некоторые производства к тому времени разрослись так, что уже больше не было возможности контролировать их пагубное влияние на окружающую среду.

Но еще в этот период произошли и перемены в мировой экономике: мировые производственные мощности стали переноситься в Восточную Азию, а производственные мощности, расположенные в Европе, стали уступать свои позиции на мировом рынке, т. е. тогда произошли структурные изменения в мировой и европейской экономике, последствия которых в Западной Германии мы можем сейчас наблюдать в Руре и в Сааре. Естественно, все эти преобразования не были никак восприняты странами Восточной Европы, экономики которых имели не рыночное, а централизованное управление, которое всегда было под охраной со стороны политиков. Режим СЕПГ без тени сомнений при возникновении, так сказать, ситуации выбора между удержанием власти и ростом экономической эффективности всегда выбирал удержание власти, и это, если можно так выразиться, было известно и очевидно всем.

Режим СЕПГ обещал своему населению следующее: мы обеспечим вас всем необходимым, т. е. жилплощадью, товарами широкого потребления и простыми продуктами питания. Продукты питания должны были быть очень и очень дешевыми и цены на них в значительной степени дотировались со стороны государства. Сложнее дело обстояло с более качественными товарами широкого потребления, автомобилями и т. д. С такого рода товарами дела шли уже сложнее. В плановой экономике нельзя было просто взять и купить автомобиль, вместо этого людям приходилось стоять в очереди за автомобилями десятилетиями,

например, за Трабантом или Вартбургом. Причем эти автомобили по своему качеству были застаревшими на уровне 1960-х гг., потому что у страны просто не хватало ресурсов на их усовершенствование. И ради такого потребления, ради безопасности такого потребления была принесена в жертву политическая свобода. Суть договоренности состояла в том, что мы заботимся о вас, но у вас не будет возможности участвовать в свободных выборах и не будет разрешено свободно пересекать границу с Западной Германией.

Но эта договоренность на фоне мирового экономического кризиса с 1970-х гг. начала давать сбои, и с этого времени все интенсивнее росло технологическое отставание, за которым следовало накопление экологических проблем и проблем со снабжением, которые увеличились настолько, что в итоге большое количество предприятий простаивало, потому что некоторых компонентов производственных цепочек просто не было в наличии. При этом в народе росло недовольство, ведь, с одной стороны, по западному телевидению показывали высокий уровень благосостояния Западной Германии, о том же рассказывали те, кто побывал за западной границей. С другой стороны, восточные немцы сталкивались все с большим количеством проблем в экономике, и становилось понятно, что режим не в состоянии создать необходимые условия для поддержания высокого уровня жизни собственного населения.

Такое положение дел стало особенно критическим в 1980-х гг. Конечно, не без влияния общемировых факторов, а именно разного рода международных конфликтов, нефтяного кризиса, войны в Афганистане, и к тому же в 1980-х гг. у Советского Союза уже возникли большие проблемы с собственной экономикой, которые уже не позволяли, так скажем, плотно заниматься проблемами своих сателлитов, в том числе и проблемами стран Восточной Европы. В условиях плановой экономики большинство предприятий, как правило, сталкивается со значительными проблемами, и как следствие при этом растет неудовлетворенность рабочих таких предприятий. Так у людей возникало чувство, что надо что-то менять, что так долго продолжаться не может, и такие настроения преобладали в умах людей в конце 1980-х гг. Все понимали, что необходимы перемены, но какие именно – никто толком не знал. По большому счету, люди хотели открыть свой собственный бизнес, хотели конкуренции, и чтобы труд рабочих оплачивался по достоинству. Рабочие были недовольны тем, что их зарплата не менялась в случаях, когда они работали больше и лучше. Они рассуждали примерно так: зачем мне перетруждаться, если я, по большому счету, все равно получу столько же, сколько и мой коллега. У меня нет никакого стимула для того, чтобы работать эффективнее. В итоге все эти проблемы превратились к 1990 г. в один большой снежный ком, игнорировать который было уже нельзя. Плановая экономика за одну ночь была переведена на законы рыночной экономики, и вслед за этим последовали массовые, лавинообразные увольнения и закрытия предприятий, и именно в этот момент в игру вступил Тройханд.

О. Н.: Прежде чем мы поговорим о Тройханде, я бы хотел с вами обсудить некоторые аспекты, если можно так сказать, некоторые проблемы экономики ГДР. Например, каким был уровень квалификации специалистов, получивших свое образование в ГДР? Просто я был в прошлом году на конференции по истории, и там были доклады на эту тему, в которых говорилось о том, что в экономической системе ГДР профессии и специальности были относительно незыблемыми, может, не с такими возможностями успешного продвижения по службе, как сейчас, но все равно специальности, полученные в профессиональных учебных

заведениях, оставались востребованными на протяжении долгого времени. Но оказавшиеся уже в объединенной Германии такие специалисты на рынке труда оценивались крайне низко либо же вообще оказались никому ненужными, вследствие того, что экономики двух стран были настолько разными, что в капиталистической Германии даже не существовало некоторых профессий, которые до «объединения» существовали и были востребованы в ГДР.

М. Б.: Да.

О. Н.: В действительности на учет в службу занятости вставляли те, кто искал работу, но им там отвечали, что таких профессий по их специальности не существует. Это было полным обесцениванием профессионального опыта восточных немцев. Действительно ли качество подготовки специалистов в ГДР было настолько плохим?

М. Б.: Это, конечно, очень и очень важный вопрос, который необходимо проговорить. Ну, как обстояли дела с экономикой ГДР, я уже сказал, да... так сказать, в сфере промышленности было много проблем, но, конечно, и там было не все так уж беспросветно. Там были и предприятия, которые вполне могли конкурировать с западными, по крайней мере, до валютного союза.

До так называемой «шоковой терапии», вызванной валютным союзом, ряд ГДРовских предприятий производил продукцию, пользовавшуюся спросом как в Западной Германии, так и Западной Европе. В первую очередь это были предприятия с многовековыми промышленными традициями, располагавшиеся на территории таких центральногерманских регионов, как Саксония и Тюрингия. На основе опыта таких предприятий впоследствии была выстроена вся промышленность ГДР, части из которой удалось захватить небольшие сегменты западного рынка. Разного рода прорывные технологии, ноу-хау, разработанные простыми рабочими и инженерами из ГДР, были, и этого тоже нельзя отрицать. В 1990-х тема уровня квалификации восточногерманских специалистов была объектом жарких споров, но на сегодняшний день уже очевидно, что сотрудники ГДРовских предприятий были высококвалифицированными специалистами. Но, как вы уже отметили, это совершенно непростая история. Ведь некоторые ГДРовские профессии на момент воссоединения Германий уже в принципе не существовали в Западной Германии и в Западной Европе, исчезли даже сами понятия таких профессий вследствие...

О. Н.: Вследствие изменений, которые произошли в промышленности?

М. Б.: Именно. Вследствие структурных изменений в западноевропейской промышленности, т. е. вследствие переноса большого количества производственных мощностей за пределы Европы. Прежде всего в Азию, и классический пример, я бы даже сказал, экстремальный пример, – это перенос текстильной промышленности, которая была очень сильно развита здесь, в Вестфалии в районе Вупперталя и т. д. и т. п. Но уже к 1960–1970-м гг. эта отрасль уже почти полностью исчезла в Западной Германии, тогда как в рамках социализма, в рамках плановой экономики все отрасли промышленности, в том числе и текстильная, были закапсулированы и ограждены от общемировых экономических процессов.

Таким образом, на момент воссоединения Германий, это была, так скажем, устаревшая и законсервированная модель экономики, часть которой продолжала функционировать, несмотря на то, что вследствие ускорившихся процессов глобализации, технологического скачка, компьютеризации и т. д. в передовых капиталистических странах ряд отраслей

претерпел очень сильные изменения, по крайней мере в Западной Германии, Западной Европе и в Соединенных Штатах.

Но все эти изменения в мировой экономике произошли тогда, когда социализм был еще в расцвете. Резкие структурные изменения в плановой экономике могли негативно сказаться на социальной защищенности населения, а это было недопустимо для социалистических стран, так как социальная защищенность населения была ядром социалистической идеологии. Поэтому со стороны соцблока не было проявлено никакого интереса к тому, чтобы идти в ногу с мировыми тенденциями. Как вы верно отметили, в рамках социализма право на труд было закреплено в конституции, а социалистические предприятия помимо всего прочего выполняли перед населением еще и важнейшие культурные и социальные задачи, т. е. предприятия не только отвечали, так скажем... не только за производительность труда и эффективность производственного процесса, но в значительной степени являлись еще и культурными и социальными центрами, которые отвечали еще за массу разных направлений, помимо производственных. У предприятий в ГДР были свои дома отдыха, спортивные клубы и кружки, театры, детские сады и ясли и т. д. и т. п... футбольные клубы... И этот список можно продолжать еще очень и очень долго...

О. Н.: Еще предприятия обеспечивали жилплощадью, например.

М. Б.: Жилплощадью.

О. Н.: В прошлом году я побывал в качестве туриста в саксонском городе Хойерсверда, и то, о чем вы сейчас сказали, было и в Хойерсверде. Это был чисто промышленный город, куда, насколько мне известно, каждое утро издалека приезжали рабочие, которые работали на угольных шахтах. И специально для этой огромной массы людей как будто бы из ниоткуда появлялись целые жилые кварталы.

М. Б.: Да, так и было. Таким же, как и в случае с Хойерсвердой, является впечатляющий пример с Галле-Новым городом. Там были также построены жилые кварталы для работающих в тяжелой и химической промышленности. Также стоит упомянуть Айзенхюттенштадт – город, выстроенный вокруг сталелитейного завода. Впоследствии такого рода города лягут тяжелым бременем на плечи новой Германии. Это были города, в которых крупное градообразующее предприятие оказывало огромное влияние почти на все сферы жизни горожан. Там работала большая часть населения города, для которой на базе предприятия создавались разного рода культурные и социальные учреждения.

В таких условиях люди чувствовали себя неотъемлемой частью предприятия. Это было не просто местом работы, для большого количества сотрудников работа на предприятии была семейным, можно сказать, династическим делом, ведь там часто работали целыми семьями и на протяжении нескольких поколений, для которых перемены, вызванные крушением социализма, были очень глубокими и всесторонними.

Волна потрясений, накрывшая Восточную Германию в 1990-е гг., не только покончила с рабочими местами, но, если можно так выразиться, тогда был разрушен весь привычный уклад жизни, весь выстроенный вокруг промышленности мир. Все изменилось за одну ночь, все прекратило свое существование всего за одну ночь. И до сих пор на территории Восточной Германии огромное количество людей не имеет постоянной работы.

Если все выразить в двух словах, то резкое крушение социализма обесценило все, что было до объединения... Прежние заслуги, прежний опыт работы стали никому не нужны

в новой объединенной Германии. Люди видели, что во всех этих процессах важную роль играет Тройханд, за что сразу эта организация стала ненавистной большинству восточных немцев. Со стороны все это виделось так, что именно представители Тройханда принимали важнейшие решения, которые в конечном счете привели к ликвидации крупных градообразующих предприятий и обесцениванию всех на тот момент имевшихся трудовых и жизненных достижений восточных немцев. Последствия этих решений до сих пор дают о себе знать.

О. Н.: Можете описать в общих чертах, как работал Тройханд? Что представляло собой это учреждение, в собственности которого оказались все предприятия народного хозяйства? Насколько мне известно, Тройханд должен был распродавать эти предприятия через привлечение инвесторов. Главным условием проведения приватизации ГДРовских народных предприятий было привлечение инвесторов, которые должны были вложить свои средства в развитие этих предприятий, чтобы сохранить рабочие места, к примеру, ну и сохранить сами эти предприятия, т. е. не допустить их остановки или закрытия. Ведь было очевидно, что никто не поедет из Западной Германии работать или делать бизнес в экономически мертвую Восточную Германию. Как изначально планировалось провести приватизацию?

М. Б.: Знаете, это очень интересный вопрос, которым я на протяжении долгого времени занимался. И часть ответа на данный вопрос состоит в том, что изначально Тройханд и не задумывался как площадка для распродажи восточногерманских предприятий. Германия создала ту уникальную модель приватизации, аналогов которой не было в странах Восточной Европы. Там все выглядело совершенно иначе, но здесь, в Германии, создали Тройханд.

Тройханд в самом начале своего существования был совершенно не таким, каким его запомнило большинство населения бывшей ГДР. Он был создан довольно быстро за февраль–март 1990 г. правительством Модрова по предложению Вольфганга Ульмана о необходимости создания новой структуры, которая бы позаботилась о народной собственности. Тогда это была небольшая организация с количеством сотрудников менее ста человек, которая в первую очередь должна была опекать и поддерживать восточногерманские предприятия. Тройханд был попечительским учреждением, на которое должны были переписать все народное богатство ГДР, и в первую очередь 8500 предприятий с четырьмя миллионами сотрудников, так как была опасность, что все это могут растащить либо западные капиталисты, либо восточные чиновники и партийные функционеры. Так было создано это учреждение, которое на первых порах должно было только сберечь от расхищения народную собственность, а затем восточногерманская оппозиция хотела эту собственность разделить между гражданами ГДР, выдав удостоверения о долевой собственности населению.

Но у правительства Модрова были совсем другие планы на восточногерманские предприятия. Предприятия должны были стать предметом торга, своеобразным козырем во время будущих переговоров с ФРГ. Бурной весной 1990 г. проходят выборы в Народную палату ГДР, в новом составе Народная палата голосует за объединение с ФРГ, после этого молниеносно проходят переговоры между Бонном и Восточным Берлином, с новым правительством Лотара де Мизьера. Объединение началось с экономики, и первого июля был объявлен валютный и социальный союз двух Германий. В ходе дальнейших переговоров было принято решение, что надо будет каким-то образом использовать это странное попечительское учреждение, на которое совсем недавно были переписаны все восточногерманские

предприятия. И правительство ФРГ уже придумало, как оно будет использовать это попечительское учреждение – Тройханданштальт.

В Бонне христианско-либеральное правительство ФРГ выдвинуло следующие условия: вы, восточные немцы, получаете нашу западную Дойч-марку и нашу успешную модель экономического процветания, но за это вам придется жить по нашим правилам, т. е. по правилам социальной рыночной экономики. А правила социальной рыночной экономики таковы: наличие и приоритет частной собственности, конкуренция, второстепенная роль государства в экономике, т. е. на государство возлагается только роль контроля за соблюдением законов. И еще западная сторона сказала, что надо как-то организовать процесс передачи собственности ГДР, но под это отдельное министерство создаваться точно не будет. Также нежелательно все оставлять в Восточной Германии, ведь там предприятия каким-то образом еще продолжают свою работу, и, скорее всего, старые генеральные директора попытаются остаться на своих местах и стать предпринимателями. А это недопустимо. Они сказали: мы не просто приберем к рукам ваше попечительское учреждение – Тройханд, но и посадим туда на руководящие должности опытных западногерманских руководителей из числа менеджеров и предпринимателей. Никаких бюрократов и политиков там не должно быть, нам нужны только опытные рыночные экономисты. Эти экономисты должны были действовать максимально независимо, насколько это возможно. Но при этом перед ними стояла парадоксальная задача: они должны были создать рыночную экономику по воле государства, что противоречило чистой рыночной экономической теории.

Это действительно была парадоксальная задача, в условиях которой, с одной стороны, государство указывало, как все должно функционировать, но, с другой стороны, оно не брало на себя ответственность за определение того, какой инвестор лучше и т. д. и т. п. В самом начале считалось, что промышленный комплекс ГДР представляет большую ценность, но как потом оказалось, это было не так, особенно после заключения валютного союза ценность всего этого промышленного комплекса резко и сильно упала.

В августе 1990 г. в Тройханданштальт приходят менеджеры во главе с Детлевом Карстенсом Роведдером. Это был волевой человек, опытный менеджер сталелитейной промышленности, политик из Рурского промышленного района, из Северного Рейна-Вестфалии. И вот он уже ставит свою печать и свою подпись на документах этого попечительского учреждения. Придя в Тройханд, он сказал: «Ну, что ж, нам нельзя действовать как какому-нибудь государственному органу, поэтому здесь не должно быть никаких бюрократов-чиновников. И я не бюрократ, я менеджер, я коммерсант и я привел с собой менеджеров, которые должны будут выполнять функции временных управляющих на вверенных им предприятиях. А те из них, кто будет во главе филиалов Тройханда, войдут в совет директоров. Мы хотим создать именно такую компанию, такой вид предприятия. Мы создадим такой холдинг, который не будет обладать полномочиями государственного ведомства, но при этом он должен будет действовать смело, динамично и к делу должен будет подходить творчески. Он должен будет принимать свои решения очень смело, быстро и в очень короткие сроки».

И действительно, цель Тройханда была не в том, чтобы на долгое время оставить эти предприятия в государственной собственности для последующей их реструктуризации в относительно спокойных условиях, а в том, чтобы как можно быстрее привлечь западных

инвесторов, частных инвесторов, которые с помощью собственных денег, современных передовых технологий самостоятельно провели бы реструктуризацию и обновление этих предприятий. Изначально никто не хотел руководить и направлять процесс приватизации восточногерманских предприятий, но, как выяснилось позже, взять его под контроль было уже невозможно силами Тройханда, который на конец 1990 г. имел в общей сложности не более 1 тыс. сотрудников, в 1992 г. – около 4 тыс. сотрудников¹. Как с четырьмя тысячами сотрудников провести реструктуризацию 8500 предприятий... Это было просто невыполнимо.

Эта задача была гигантской по своему масштабу. Одни проблемы решались через директивные указания сверху-вниз, другие проблемы корректировались через сигналы снизу-вверх, но чаще всего проблемы решались внизу, на местах. Все было организовано согласно идеологии чистой приватизации, которая считалась наиболее эффективной формой реструктуризации и обновления предприятий. «Приватизация должна пройти как можно быстрее» – именно на этом настаивал и это пропагандировал Роведдер весной 1991 г. После его убийства в апреле 1991 г. эту же политику продолжила его преемница, Биргит Бройль. Она говорила: «Мы должны как можно быстрее привлечь частных инвесторов. Вообще, Тройханд не продает предприятия, Тройханд покупает инвесторов». Эти слова отражали суть стратегии ускоренной массовой приватизации, которая была в первую очередь направлена на привлечение западногерманских инвесторов, что впоследствии вызвало серьезные споры и огромное негодование и жуткое недовольство у восточных немцев. У людей естественным образом возникали вопросы: Зачем так спешить? Почему все отдается на откуп западногерманским инвесторам? В чем необходимость проведения такой быстрой приватизации? Почему государство отстранилось от всего? Не лучше ли ему принять активное участие в этих процессах, дать больше времени на адаптацию предприятий к новым рыночным условиям?... Все эти и другие вопросы не потеряли своей остроты и сегодня.

Но Тройханданштальт по своей сути выступал в роли некоего «санитара», ну или «реаниматора», восточногерманской экономики, маскируясь под вид обычного предприятия. С 3 октября 1990 г. Тройханд перешел под прямое подчинение Министерству экономики ФРГ. Однако несмотря на подчинение Министерству экономики, которое никогда не оставалось в стороне от того, как проходит приватизация, Тройханду, особенно в 1991–1992 гг., была дана максимальная самостоятельность, и он работал так, будто он и в самом деле – обычная частная компания. Главным идеологическим принципом Тройханда было как можно скорее привести частных предпринимателей и как можно быстрее передать им из своих запасов имеющиеся предприятия. Считалось, что чем дольше они простаивают и висят мертвым грузом на балансе Тройханда, тем меньше шансов у таких предприятий остаться на плаву в долгосрочной перспективе.

О. Н.: Вы сказали, что Тройханд был публично-правовой компанией и одновременно с этим эта компания управлялась менеджером, что вполне соответствует духу того времени. Существует левая критика неолиберализма, которую мы в определенной степени тоже

¹ Здесь Маркус Бьёик сотрудниками Тройханда называет тех людей, которые непосредственно занимались процессом приватизации, распродавали, модернизировали или же закрывали восточногерманские предприятия. Иными словами, 4,5 млн работников восточногерманских предприятий, формально входивших в юрисдикцию Тройханда, Маркус Бьёик не относит к сотрудникам Тройханданштальт (*прим. переводчика*).

разделяем. Левые политики и теоретики критикуют неолиберализм за слепой приоритет частной собственности и личных интересов над государственными, за нападки на государство при покровительстве ветреных и безответственных предпринимателей.

Ну, еще и за то, что для меня было, кстати, тоже крайне удивительным, что Тройханд с самого начала стал платить умопомрачительные деньги различным экономическим советникам. Сегодня политики нуждаются в разного рода советниках и платят им огромные суммы за их услуги, фактически выбрасывая деньги на ветер. Надо сказать, и в случае с Тройхандом не обошлось без скандалов, связанных с необоснованно завышенными выплатами подобным консультантам. И вот у меня возник вопрос, такие скандалы были уже тогда обычным делом, или, может быть, эти скандалы стали следствием того, что Тройханд в итоге стал ускорителем унификации двух экономических систем ради будущего развития новой объединенной Германии?

М. Б.: Я думаю, что вы использовали очень удачное слово – ускоритель. И как мы можем заметить, Тройханданштальт стал явлением не только Восточной Германии. Он стал не только средством оздоровительной трансформации восточногерманской экономики, но и причиной очень глубокого разлома, очень серьезного конфликта между Восточной и Западной Германией. И здесь дело не столько в том, что в Тройханде западные немцы занимали руководящие должности, а восточные были рядовыми сотрудниками, а в том, к каким последствиям приведет работа этого попечительского учреждения. И здесь есть за что критиковать работу этого учреждения. С этим я с вами абсолютно согласен.

Роведдер в самом начале пригласил знаменитого консультанта Роланда Бергера и сказал ему: «Помогите мне, дайте мне хотя бы пару вариантов того, как мне надо организовать этот процесс, ведь мне вообще никаких методичек не дали и никакой концепции у нас на руках нет». Согласно позиции Федерального правительства, все советы и предложения о том, как должен быть организован процесс приватизации, мы должны получать от третьих лиц и уже на ходу импровизировать. Тогда наступила эра консультантов, экономических советников, которые приходили, давали советы, вносили предложения о том, как все должно быть организовано, и все в таком духе. И такая неразбериха, конечно, ускоряла процесс приватизации. И в то же время предприниматели и экономические советники в тот период оказались в центре общественного внимания, в центре внимания СМИ, чего, я полагаю, с ними раньше не случалось, по крайней мере в 1980-е гг.

Но правительство ФРГ в Бонне оставалось в тени этих процессов и никак не запачкало свою репутацию в публичном пространстве. И да, вы попали в яблочко: Тройханданштальт полностью соответствовал духу времени, времени, когда государство воспринимается как одна большая проблема, а рынок – как тот инструмент, который может эту проблему решить. Иными словами, государство тогда ассоциировалось с бюрократией, неэффективностью, громоздкостью и чрезмерной убыточностью. Тогда как гибкие рынки связывались, так сказать, с великой надеждой на светлое будущее. И именно в это время эта парадигма, которую часто называют неолиберальной, постоянно была недосказанной. Я считаю, что само понятие неолиберализма скрывает под собой большое количество элементов, которые никак не соотносятся друг с другом и которые вообще нельзя класть в одну корзину. Но в любом случае основным идеологическим принципом того времени было: рынок – это то, где мы

хотим оказаться (в области экономики), а государство – это то, от чего мы хотим уйти. И Тройханданштальт, по крайней мере на ранней стадии своего формирования, работал в полном соответствии с этим идеологическим принципом, собственно, как и его менеджеры, которые, приехав из Западной Германии, быстро пробрались на руководящие должности в Тройханде и стали формировать это учреждение в соответствии со своими неолиберальными взглядами. Они не хотели становиться политиками и считали себя менеджерами, продавцами, бизнесменами и хотели, чтобы политики держались от них подальше.

И позднее Биргит Бройль ухватила суть этого идеологического принципа и стала мыслить исключительно рыночными категориями. По каждому предприятию она хотела знать, сколько там работает сотрудников, какие товары производятся, насколько предприятие жизнеспособно и кредитоспособно, окупятся ли вложенные средства через 5–10 лет. Теперь уже на основании этих данных аудиторы и экономические советники в довольно жесткой форме воплощали в жизнь свои неолиберальные принципы.

Но для начала нужно было все просчитать, однако не существовало никакой экономической статистики, которая соответствовала бы запросам западной рыночной системы. Поэтому сначала пришлось провести рыночный статистический анализ и составить начальный баланс всей восточногерманской экономики по рыночным правилам. Потребовалось почти три года, чтобы Тройханданштальт составил начальный баланс восточногерманской экономики.

Этот радикальный рыночный подход целиком и полностью соответствовал духу времени, времени, когда рынок считался эффективным инструментом для решения любых экономических проблем. Но многие восточные немцы, а также профсоюзы, левые, социал-демократы, представители Партии демократического социализма и Партии зеленых громко заявляли о том, что при построении рыночной экономики игнорируется специфика плановой экономики, которая была в ГДР. Если все предприятия одно за другим закрыть или сильно сократить их количество, то люди просто останутся ни с чем, у них не будет никаких перспектив на будущее, и никакого обещанного процветания и благополучия им вообще не светит. Этот конфликт между рыночной и плановой экономикой и, если так можно выразиться, между рыночным и плановым взглядами на хозяйственные процессы усугубился в 1992–1993 гг. В тот период критика рыночных преобразований на фоне громких скандалов была очень острой, конфликты тогда часто принимали форму открытого протеста.

В 1991–1992 гг. можно было наблюдать триумф рыночного неолиберального духа. Тройханд тогда был очень силен, он обладал всей полнотой власти, и, я бы даже сказал, он обладал полной свободой действий, которой его наделил Бонн, предпочтя оставаться в стороне от происходящего. Но потом стало заметно, что чем быстрее проходит приватизация, тем больше идет сопротивление этому, тем больше разочарования у людей, тем сильнее становятся позиции противников приватизации в политике, в СМИ и в принципе в обществе, а также укрепляются позиции среди некоторых экономистов-теоретиков. Все это делало Тройханд не только экономическим, но и политическим субъектом, который, я бы сказал, действовал очень радикально в период с 1992 по 1993 г. К концу 1992 г. Тройханданштальт, т. е. менее чем за два года, провел через процедуру приватизации около 80 % своих предприятий.

Это порядка 10 тыс. приватизаций, некоторые предприятия были поделены на более мелкие, чтобы их части можно было продать или приватизировать по отдельности. Тогда

работникам Тройханда казалось, что они на правильном пути, и они радовались тому, что уже избавились от 80 % своих предприятий. Такая сумасшедшая скорость позволила проводить в 1991–1992 гг. по 400–500 приватизаций в месяц. Это были чудовищные темпы приватизации, которых до этого еще никогда не было в истории рыночной экономики.

Как потом оказалось, эта скорость повлекла за собой огромные негативные последствия, нанеся глубокие социальные и культурные травмы пострадавшему от приватизации населению. С 1990 по 1994 г. все говорили про реиндустриализацию, говорили о промышленных ядрах, которые необходимо сохранить. И правительство той или иной восточной федеральной земли могло сказать, что определенные предприятия нельзя закрывать, даже если на них не найдутся инвесторы.

По изначальному замыслу, неолиберальные преобразования должны были привести к созидательному разрушению, так скажем, жестко встряхнуть восточногерманскую экономику, после чего должна была вырваться наружу новая рыночная энергия с бурно возникающими и развивающимися компаниями или с компаниями, спешно адаптирующимися к новым рыночным условиям. И менеджеры, несмотря ни на какие трудности, гнули свою линию, приближаясь, как они думали, к неолиберальной мечте. Собственно, поэтому с самого начала были востребованы кризис-менеджеры. Но вскоре все иллюзии у неолиберального руководства Тройханда рухнули, и всем стало понятно, что выбранная стратегия привела туда, откуда хотели уйти. Ведь в процесс вмешалось государство, стало появляться все больше государственных инвестиций и дотаций для крупных предприятий. И в такой ситуации Тройханд больше не мог закрывать фабрики и заводы, ссылаясь на то, что для них не нашлось инвесторов.

Комментарии

Данное интервью было взято в октябре 2020 г. у Маркуса Бьёика ютуб-блогером Оле Нимоем на его канале “Wohlstand für alle”. Доктор Маркус Бьёик является автором исторического труда “Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994” [1] (Тройханд. Идеи. Практика. Опыт. 1990–1994). Дословно die Treuhandanstalt (die Treuhand) переводится как «попечительское учреждение», «служба опеки», опеки за предприятиями, которые в свое время были включены в плановую экономику ГДР и еще не включены в рыночную экономику ФРГ. Эта организация выступала посредником между старым (ГДР) и новым собственниками (частными инвесторами). Слово «Treuhand» стало буквально именем собственным для восточных немцев, поэтому было решено оставить данное слово без перевода и взять полную кальку – Тройханд, а не дословный перевод – Опека. Дословный перевод также вносил бы существенную путаницу для русскоязычного читателя.

Изначально Тройханд задумывался восточногерманскими диссидентами как действительная опека над народной собственностью на время периода перехода плановой экономики Восточной Германии на рыночные рельсы. Предполагалось разделить всю «народную собственность» между гражданами ГДР, раздав населению Восточной Германии удостоверения о долевой собственности (аналогичные нашим ваучерам). Но после ликвидации ГДР как государственной структуры и вхождения Восточной Германии в юрисдикцию ФРГ западногерманское правительство решило использовать Тройханд в своих целях, минуя

интересы восточных немцев. В итоге процессом приватизации восточногерманской экономики управляли в подавляющем большинстве западные немцы, а восточным оставалось лишь наблюдать, как их предприятия ликвидируются или переходят в руки частных инвесторов с существенным сокращением штата сотрудников. Особый драматизм ситуации для восточных немцев заключался еще и в том, что на социалистических предприятиях лежала ответственность не только за производство продукции, но и за образование, спорт и досуг сотрудников. Поэтому при закрытии подобных предприятий рабочие оставались не только без работы, но и без учреждений социальной и культурной сферы. Однако даже после переезда в Западную Германию (в «старые федеральные земли»), где имелись свободные рабочие места, восточные немцы сталкивались с тем, что их образование и профессиональный опыт ценились значительно ниже, чем аналогичный опыт и образование выходцев со «старых федеральных земель».

Сегодня в Германии тема приватизации восточногерманских предприятий, проводившейся через Тройханд, не просто не теряет актуальности, а все больше и больше набирает остроту. Современный конфликт между восточными («осси») и западными («wessi») немцами заключается в том, что, с одной стороны, «осси» недовольны тем, что в Восточной Германии до сих пор большие проблемы с рабочими местами со времен приватизации, с другой стороны, «wessi» недовольны тем, что содержание значительной части безработных восточных немцев падает на их плечи. И эта пропасть взаимного непонимания между Востоком и Западом Германии с каждым годом все растет. Отсюда возникает потребность глубокого философского анализа данного конфликта, разрешение которого могло бы указать человечеству путь к наиболее сбалансированной модели нового прогрессивного и устойчивого общества.

Кратко о Маркусе Бьёике. Во времена крушения Берлинской стены Маркус Бьёик был еще маленьким ребенком и ходил в детский сад, во времена активной фазы приватизации уже начал посещать начальную школу. Все его старшие родственники – родители, бабушки и дедушки, дяди и тети – так или иначе пострадали от быстрой и бескомпромиссной приватизации и от связанных с ней массовых увольнений рабочих приватизируемых предприятий. После окончания школы М. Бьёик переезжает учиться в так называемые старые федеральные земли, т. е. в Западную Германию, и как лично, так и по документальным свидетельствам знакомится с позицией западных немцев в отношении приватизации восточногерманских предприятий. В связи с этим можно сказать, что М. Бьёик на момент написания книги уже был хорошо осведомлен с той позицией по приватизации, которой придерживалось как большинство восточных немцев, так и большинство западных немцев, а также западногерманские политики и экономисты. Такое знакомство с разными позициями послужило основой для представления разностороннего материала о работе Тройханда (по мнению переводчика интервью) без какого-либо значительного крена в ту или иную идеологическую сторону. Сегодня Маркус Бьёик является приглашенным исследователем в Центре Европейских Исследований и занимается изучением становления капитализма в Германии в XIX в.

Перевод с немецкого и комментарии канд. филос. наук В. А. Миронова.

Окончание интервью будет опубликовано в следующем номере журнала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Böick M. Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994. Göttingen: Wallstein Verlag, 2018.

Информация об авторах.

Маркус Бьёик – стипендиат Мемориального товарищества Джона Ф. Кеннеди; приглашенный исследователь Центра Европейских исследований им. Минды де Гинцбург Гарвардского университета, Кембридж, Массачусетс, США.

Оле Нимое – независимый журналист, Йена, Германия.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.02.2023; опубликована онлайн 22.06.2023.*

REFERENCES

1. Böick, M. (2018), *Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994*, Wallstein Verlag, Göttingen, DEU.

Information about the authors.

Markus Böick – John F. Kennedy Memorial Fellow; Visiting Scholar, Minda de Gunzburg Center for European Studies, Harvard University, Cambridge, MA, USA.

Ole Nymoen – Freelance Journalist, Jena, Germany.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.02.2023; published online 22.06.2023.*